

ственной мыслью, во чтобы то ни стало отыскать ошибки первоиздателя. Поэтому важнейшей из заслуг Ю.Г. я считаю его удивительную силу духа и смелость как ученого и человека, который несмотря на ряд критических статей, лишенных нередко какой-либо научной этики, до конца своей жизни остался верен эпитафии.

«И последний аккорд в этом дивертисменте: меня ничуть не удивляют доходящие до Вас слухи о моих вакхических пристрастиях, как и отсутствие оных о том, что Ю.В. запойно работает, не помышляя даже о (безалкогольном) пиве, когда творит что-то новое, ибо мои абстинирующие доброжелатели по вполне понятным причинам стесняются сопоставить ratio его научно-профессорской нагрузки + печатную реализацию его запойного творчества и объем консультируемых им напитков в пересчете на чистый алкоголь со своим собственным КПД, ибо пропорция окажется явно не в их пользу. Прошу Вас относиться к подобным слухам, как и я, спокойно, всегда критически взвешивая, cui prodest, ибо то же самое говорили (и публиковали даже в мемуарах на Западе!) и о М.И. Ростовцеве, что для разумных людей, вроде меня, никоим образом не служит оправданием, коль скоро об уровне и жизнеспособности наших писаний вправе судить один лишь Хронос. Но об этом довольно, как писал Отец истории» (Москва, 19. III. 2000).

А.С. Русяева

© 2001 г.

ПОХВАЛА УЧИТЕЛЮ

Трагически погиб не просто стержневой сотрудник редакции журнала «Вестник древней истории». Хотя одного этого было бы достаточно, чтобы считать утрату невосполнимой.

Нет. Ушла эпоха русской классической историко-филологической школы антиковедения. Она отмечена именами таких титанов, как Ф.Ф. Соколов, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков. Благодаря Ю.Г. Виноградову она продлилась на 30 лет и теперь охватывает более полутора веков. Могла перешагнуть рубеж (так ставил ударение покойный) миллениума. Не сложилось.

Парадоксально, но его приход в гуманитарную сферу знания был в известной степени случайностью. В ранней юности он очень увлекался химией. Судьбу решил неудачный исход одного опыта, в течение которого молодой экспериментатор получил легкую травму. Врачей, обработавших его рану, он поразил тем, что во время процедуры наизусть называл химические формулы применявшихся медицинских препаратов.

Однако этот казус отбил у школьника большую охоту продолжать карьеру химика. И всю силу системного мышления и присущей прикладным наукам въедливости он обрушил на изучение археологии и древнегреческой филологии. Впрочем, первая требует от серьезного ученого умения разбираться в вопросах не только химии, но и биологии, ботаники, почвоведения, зоологии, климатологии, экологии, гидрологии и т.д. Так нам был подарен феномен Виноградова. Он отличался стремительным просчитыванием всех мыслимых вариантов интерпретации материала, выбором из них оптимального решения и самым пристальным вниманием к мелочам.

Благодаря перечисленным качествам за ним довольно быстро утвердилась репутация везучего человека. Не согласен. Везет тому, кто делает все необходимое для того, чтобы пришла удача. Такой мировой гений, как Моцарт, однажды сказал: «Талант – это дарование плюс трудолюбие». Обоих Ю.Г. было не занимать.

Мы познакомились в октябре или ноябре (точно не помню) 1970 года, когда я по совету моего дяди решил, не откладывая, заняться изучением древнегреческого языка. Руководитель археологического кружка, в котором я занимался при ГМИИ им. А.С. Пушкина, И.Р. Пичилян, нашел и преподавателя, который согласился обучать меня за два с половиной в неделю (одно занятие). Баронета, как он изъяснился. Позднее я узнал, что это студенческое прозвище. А тогда (далее объясню, почему) принял титул за чистую монету. Так первый (Д.Б. Шелов) и последний (Ю.Г. Виноградов) ученики Б.Н. Гракова надолго определили мое будущее.

Для начинающего исследователя то был период написания кандидатской диссертации, посвященной классификации фасосских клейм и сразу ставшей классической, и одной из

первых публикаций – о знаменитой Халкидской псефизме. В какой-то он смело и основательно предложил собственные интерпретации, вскоре признанные мировым научным сообществом. Он сразу поражал двумя качествами, которые пронес через всю жизнь, – феноменальной трудоспособностью и ярко выраженным аристократизмом духа. Второй проявлялся не только в совершенно неуместной открытости позитивным знаниям, но и готовности, не задумываясь, делиться собственными, чаще всего еще не опубликованными, выводами со всеми, кто готов был его слушать.

Нет необходимости давать систематический обзор его научной деятельности. К счастью, кроме монографии «Политическая история Ольвийского полиса» (эта тема всегда играла особую роль в его творчестве) он успел издать объемный том своих малых работ *Pontische Studien*. Выше публикуется и его автобиблиография. *Sapienti sat*. Хочу сказать о более важном.

Эрудиция Ю.Г. поистине потрясает. Многие ли из ныне живущих выпускников классических кафедр читали работы Ф.Ф. Соколова, Н.А. Новосадского, других специалистов второй половины XIX – начала XX в.? А он проштудировал все. Он одинаково хорошо разбирался в тонкостях эпиграфики, нумизматики, археологии. Включая такие разделы последней, как керамика (даже лепная), фортификация, торевтика, архитектура, глиптика, металл, оружие и многое другое. Блестяще знал древних авторов. Многих, как, например, *Скифский логос* Геродота, буквально наизусть. Причем не только тех, что требовала изучать профессия. Эпиков, трагиков, лириков, комедиографов, философов, раторов, грамматиков, географов... Сам неплохо сочинял по-гречески в стихах и прозе. По-русски – тоже. Но об этом чуть позже.

Как мне рассказывал И.Р. Пичилян, их общий учитель, Б.Н. Граков, как-то раз, оценивая своих учеников, заметил: «А вот Юрочка будет академиком». Его предсказание сбылось. Пусть и не так, как тот мог думать. Многие иностранные академические общества считали за честь числить Виноградова в своих рядах. Но не РАН. *Pudeat te*.

В эпиграфике он трепетно восторгался трудами Адольфа Вильгельма и Луи Робера. Причем превыше всего восхищался не масштабными статьями, а крохотными эссе, в которых они с ювелирной точностью изучали незаметные фрагменты либо языковые факты, выводящие исследователя благодаря мастерству на качественно новый уровень осмысления хорошо изученных, а то и заштампованных тем.

В отношениях с коллегами был человеком крайностей. Необычайно высоко ценил натуры творческие, ищущие, не позволяющие себе почитать на лаврах, пристально следящие за всем новым, появляющимся в науке, и интегрирующие его в собственные исследования, постоянно тематически расширяющие свой кругозор. Доходил до преклонения, когда честный и упрямый научный поиск осложнялся состоянием информации в провинциальных в научном смысле центрах (А.С. Русяева, В.В. Крапивина), музейной (Я.В. Доманский, Н.Л. Грач, Н.А. Фролова, Н.П. Сорокина), административной (Э.Д. Фролов, С.Д. Крыжицкий, Ю.В. Андреев) или иной непрофильной (Н.С. Белова, И.С. Свенцицкая) нагрузкой, материальными и бытовыми затруднениями, необходимостью идеологического прикрытия сотрудников (С.Л. Утченко) либо всем этим вместе взятым (П.О. Карышковский). Возможностью общения с такими людьми он очень дорожил, каждой новой встречи с ними жаждал, связи любовно возвращал и культивировал. Особенно ценил тех, кто знал что-то ему неизвестное. Для них безоглядно и без остатка распахивал россыпи своей интеллектуальной щедрости. Каждому их успеху радовался больше, чем своему – до ликования. Недаром круг искренне любивших его друзей по всему миру был неопишимо широк.

Столь же неумным он был и в неприязни к тем, кто, обладая дарованием, позволял себе лениться, работать небрежно, не следить за открытиями в своей области, не стремиться к совершенству, пренебрегать деталями, или, как он говорил, «воспарять над толпой» и «вещать *ex cathedra*». Либо, ссылаясь на обстоятельства, «предавал, – снова его выражение, – титанову правду» (с детства греческие мифы в переложении Я. Голосовкера запали ему в душу) и превращался в простого ремесленника от науки. С подобными он достигал порой стадий презрительного холода и неистового отторжения. Поскольку же отравленных свинцовым смогом совдепии ему в силу общительности попадалось немало, то и недругов и завистников у него хватало. Но о них довольно.

Однако перечисление тематик, которым уделил внимание Ю.Г. Виноградов, уже дает представление о без преувеличения космическом масштабе его таланта. Начав с фасосских клейм и эмендаций некоторых известных эпиграфических памятников, он сперва сосредоточился на публикации ольвийских надписей, которые стали одним из главных дел его жизни. Здесь сразу надо отметить верную интерпретацию одного раннего граффито как

отрывка киклической поэмы. Его специальное внимание всегда привлекали документы, отражающие политическую историю Ольвии и ее округа. В то время еще в полную силу работали такие признанные авторитеты отечественной школы греческой эпиграфики, как А.И. Доватур, А.И. Болтунова, Е.И. Леви, Н.С. Белова, Э.И. Соломоник, П.О. Карышковский. Однако вскоре впечатление от первых шагов Ю.Г. стало настолько всеобъемлющим сильным, что ему стали отдавать для публикации новые находки из Херсонеса, всего Северо-Западного Причерноморья, Грузии, Средней Азии, с Боспора. Так сфера его научной деятельности расширилась до предельных границ греческой ойкумены на территории бывшего СССР.

На протяжении всей жизни Виноградов был очарован эпохой архаики, отражением культурного переворота, «греческого чуда» на периферии эллинского мира и нераскрытыми тайнами греческой колонизации северного побережья Понта Эвксинского, греко-варварских взаимодействий. И монографические обобщения на основе досконального изучения эпиграфических, нумизматических, нарративных источников вкупе с филигранной проработкой наличного археологического материала не заставили себя ждать. Благодаря им история Северного Причерноморья в доэллинистический период предстала в совершенно новом свете.

Но скептически относясь к не основанным на аутентичных фактах умозрительным построениям, он никогда не боялся идти вслед за обрабатываемыми надписями туда, куда они его вели. Он был одинаково дома среди лапидарного наследия, граффити, клейм разных центров и свинцовых табличек. Хорошо классифицированных официальных документов и часто сложнейшей для понимания в силу уникальности каждого случая частной переписки. Беспрецедентные в отечественной науке исследования последнего класса надписей открыли почти неизвестный дотоле мир приватной жизни эллинства и варварства Северного Понта. В невятных для кого-то формулах «малой» эпиграфики он умел рассмотреть и доказательно выявить корреляты со сведениями давно известных литературных текстов – от орфиков и Геродота до Диона Хризостома и Плотина.

К середине 80-х годов расширилась хронология творчества Ю.Г. – сначала на эллинистический, а затем и римский периоды. И география – на весь Понт Эвксинский, а потом – Закавказье, Малую Азию, Ближний и Средний Восток, Эгеиду и Великую Грецию, Западное и Южное Средиземноморье. Будучи особо привержен политической истории, он все больше стал писать о культурной, религиозной, социальной жизни, устройстве и функционировании полисных корпораций, военной истории, ономастике и просопографии. Параллельно работал над корпусом ольвийских надписей и уже задумывался над переизданием *in cognate* херсонесского и боспорского наследия. И все это – на действительно мировом уровне. С ним считались так же, как с представителями русской науки до октябрьского переворота. Бог забрал его тогда, когда диапазон его таланта сравнился с размахом В.В. Латышева и М.И. Ростовцева.

Это та лепта, что очевидно любому непредвзятому антиковеду. Мало кто знает об анонимном вкладе в прогресс отечественной науки. Я – о его поддержке авторов ВДИ. Тем, кто был беззаветно предан науке, он буквально бросался на помощь, нередко открывая горизонты, о которых они и не подозревали. Сообщал о свежайших открытиях, новой литературе, давал книги и неизданные материалы, проталкивал (в тяжелое советское время!) публикации и поездки за границу. Радовался, как ребенок, когда удавалось организовать статус члена-корреспондента Германского Археологического Института Д.Б. Шелову, П.О. Карышковскому, С.Д. Крыжицкому, турне Н.Л. Грач или стипендии Фонда А. фон Гумбольдта молодым ученым. Он вернул не отдельные труды, а русскую науку в целом в мировую классификацию. Немногие «организаторы науки» могут похвастать чем-то сопоставимым. Кроме того, творчески перерабатывал, а то и концептуально дописывал статьи публикаторов, которым не хватало ясности слога либо широты кругозора. Причем не то, что о соавторстве – о письменном выражении элементарной благодарности стал заикаться едва в последние 10 лет. Благодаря всему, что названо выше, его авторитет у авторов ВДИ был огромен. Его ничто не восполнит. Без него «Вестник» никогда не станет прежним.

А читатели не узнают качество работ многих ученых. Так же как нет такого специалиста со всей его работоспособностью, кто мог бы сравниться с его разносторонней квалификацией.

Роль Ю.Г. Виноградова в моей жизни была ключевой. Кому точно повезло – так это мне. Только пробуждение страны от идеологического дурмана открыло ему возможность преподавания на историческом и филологическом факультетах Московского университета.

Как оказалось – слишком поздно для того, чтобы он оставил после себя школу. Которой заслуживал более многих. В течение же долгих лет я был его единственным учеником. И имел счастье каждодневно подпитываться из духовного источника этого великого человека. У него я, кроме секретов ремесла, благожелательной опоры моим первым научным опытам, столь же заинтересованной критики в дальнейшем и интродукции в научный мир, получил самое главное – научился не пренебрегать частностями, ничто априорно не считать второстепенным, не размениваться по мелочам, не суетиться, ценить миг общения с мудрым, постоянно расширять свои знания, подвергать сомнениям стереотипы, искать нетривиальные выходы из любой ситуации, извлекать урок и пользу из необходимости отступить, вариативному и комбинаторному мышлению, самостоятельности и ответственности за других, приоритету этики во всяком деле. Короче – он окончательно сформировал мое отношение к жизни и систему ценностей, которая ни разу не подвела меня ни в каких обстоятельствах.

Особенная тема – археологические экспедиции Ю.Г. Кроме напряженной профессиональной работы – целый фейерверк пьес, опер, поэм, постановок, центром и душой коих он всегда выступал. Стимулировал сочинительство сотрудников. Очень огорчился, если у кого-то не хватало изобретательности. А еще – после сезона на Березани ежегодные в течение ряда лет обзорные поездки по раскапываемым памятникам от Одессы до Батуми, куда он увлекал вслед за собой любого – хоть профессионала, хоть дилетанта. В симпозиумах он был великолепен. Сыпал искренними, изобретательными, велеречивыми и искрометными тостами в честь милых его сердцу гостей. Заводил хоровое и индивидуальное (в зависимости от жанра произведения) пение. Благоклонно и непосредственно выслушивал элогию в свой адрес.

А вот пятидесятилетний юбилей его прошел для общественности как-то незаметно. Сам он его широко не отмечал. Собрал только ближайших друзей. Жаль. Был бы повод написать все то же по радостному случаю. Благодарю Господа, что успел высказать ему это в застольях. Часто еще более эмоционально.

Прощай, Учитель – до встречи!

Ф.В. Шелов-Коведяев

© 2001 г.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О ДРУГЕ

Говорить и писать о Юрии Германовиче Виноградове в прошедшем времени, ставить рядом с именем Юры слово «был» невозможно тяжело, до боли в сердце...

Сегодня уже трудно восстановить в памяти нашу первую с Юрой встречу: это было году в 1959–1960, то есть лет сорок тому назад, когда мы школьниками посещали археологический кружок при Государственном Историческом музее. Уже тогда Юра выделялся среди всех нас каким-то особым, глубоким и целеустремленным отношением к науке и более основательными знаниями.

В 1962 г. мы с Юрой оказались участниками настоящих археологических раскопок античного памятника у дер. Поповка в Северо-Западном Крыму. Вскоре мы подружались, и я узнал, что Юра самостоятельно изучает древнегреческий язык и даже цитирует по памяти отрывки из древних авторов! Мы обитали в одной палатке и имели достаточно времени для бесед об античной истории и планах относительно продолжения образования.

Общаясь с Юрой, я открыл для себя еще одну удивительную грань его дарования – вскоре выяснилось, что он еще и поэт, причем знающий основы стихосложения. Этот его талант послужил причиной появления на свет цикла песен, поэм и баллад на археологическую тематику. Некоторые песни Юрия Германовича исполняются в разных экспедициях уже несколькими поколениями археологов, причем, в большинстве случаев, в качестве «народно-археологических».